

ИССЛЕДОВАНИЕ О КОНЦЕПТАХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

(Г.Г. Слышкин. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Akademia, 2000)

© 2002 Ю.Т. Листрова-Правда

Воронежский государственный университет

Рецензируемая работа представляет собой монографию, написанную в рамках лингвокультурологии, проблемы которой в последние годы учеными интенсивно разрабатываются. Свой вклад в изучение этой проблематики вносит и исследование Г.Г. Слышкина. В нем рассматривается “лингвокультурный концепт как основа синтезного исследования культуры, сознания и дискурса”, – так сформулировал автор предмет своего изучения, находящегося в русле интертекстуальных исследований. Наблюдающаяся в отечественной филологии вспышка интереса к изучению интертекстуальных связей автор считает не случайной, а имеющей “глубокие культурные корни”. “В данном случае, – полагает он, – лингвистика чутко реагирует на изменения в дискурсивном поведении социума. Не секрет, что современная отечественная культура не склонна к текстопорождению. В дискурсах различных слоев общества налицо тенденции к ностальгическому переживанию текстовых ценностей прежней эпохи, к осмыслению и компиляции текстов других культур, прежде недоступных по идеологическим причинам, к так называемому “стебу” (ерничанью). Дискурс как никогда наполнен разными по степени эксплицитности фрагментами и оценками чужих текстов” (с. 5).

Перед рассмотрением и введением в научный обиход понятия прецедентного текста как единицы текстовой концептосферы в I главе (“Концептологический подход к изучению прецедентных текстов”) автор сделал обстоятельный обзор работ, в которых исследуется проблема культурных концептов. Он полагает, что концептологический подход направлен на “обобщение достижений культурологии, лингвистики, страноведения, когнитологии, этнологии и ряда других

дисциплин, а также на систематизацию терминов и категорий, которыми эти дисциплины оперируют” (с. 8), и избыток терминов (концепт, логоэпистема, лингвокультурема), “соревновательность между ними” рассматривает как закономерный показатель периода становления интердисциплинарного концептуального культурологического направления в современной лингвистике. Явное предпочтение отдает Г.Г. Слышкин концепту – единице, призванной “связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке” (с. 9).

Далее автор прослеживает изучение концепта в мировой лингвистике и выявляет разные подходы к определению концепта русскими и зарубежными учеными (С.А. Аскольдовым, Д.С. Лихачевым, Н.Д. Арутюновой, Э.Б. Тэйлором, А. Вежбицкой, Ю.С. Степановым, Е.С. Кубряковой, В.И. Красиком и др.). После обзора и анализа их работ Г.Г. Слышкин предлагает формирование концепта определять “как процесс редукции результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотнесения их с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, идеологии, искусстве и т.д.” (с. 10). Это определение подводит автора к вопросу о соотношении понятий “концепт” и “ценность”, к пониманию того, что “не всякое явление реальной действительности служит базой для образования концепта, а лишь то, которое становится объектом оценки” (стр. 11). В монографии приводится мнение В.И. Красика, считающего, что в структуру культурного концепта, помимо ценностной составляющей, входят понятийный и образный элементы. К сфере понятийного элемента

концепта, полагает автор монографии, следует отнести выделяемые Ю.С. Степановым “слои” концепта: 1) основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него; 2) дополнительный или несколько дополнительных пассивных признаков, актуальных для отдельных групп носителей культуры; 3) внутреннюю форму концепта, не осознаваемую в повседневной жизни, известную лишь специалистам, но определяющую внешнюю, знаковую форму выражения концепта. Образная составляющая культурного концепта связана со способом познания действительности, исторически предшествующим понятийному. В образный элемент концепта, полагает Г.Г. Слышкин, входят все наивные представления, закрепленные в языке, внутренние формы слов, служащих выражению данного концепта, устойчивые мыслительные картинки (например, кит – это рыба, смерть – скелет с косою).

В рецензируемой работе используется понятие концептосферы, введенное в научный обиход Д.С. Лихачевым. Концепты, классифицируемые по тематическому признаку, образуют, по мнению автора монографии, психологическую концептосферу, геометрическую концептосферу, физиологическую концептосферу и т.д. Национальная же концептосфера включает в себя “наивную картину мира данного языка, формирующую образную составляющую концептов, национальную систему ценностей, формирующую оценочную составляющую концептов и определенную сумму информации, необходимую для успешного общения в рамках данной культуры. Эта сумма информации, как научной, так и бытовой, как истинной, так и ложной, формирует понятийную составляющую концептов” (с.14).

Поскольку концепты являются ментальными образованиями с доминирующим аксиологическим началом, то к ним автор монографии считает возможным применить принципы, предложенные В.И. Карасиком для классификации ценностей, и противопоставляющего ценности

индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (в семье, между друзьями), макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и др.) и этнические и общечеловеческие.

Как один из центральных вопросов концептологии рассматривается в монографии и вопрос о соотношении концептов и единиц языка в трудах ученых; и автор приходит к выводу, что “между межконцептивной и семантической сферами языка может иметь место определенная асимметрия, т.е. отсутствие жестких взаимно однозначных отношений” (стр. 17), и “имя концепта – это не единственный знак, который может активизировать его в сознании человека” (стр. 18). В рамках концептологического подхода коммуникативная компетенция должна, таким образом, рассматриваться как “сочетание умения, во-первых, выбрать культурные единицы (концепты), наиболее пригодные для оказания желаемого воздействия на адресата, а во-вторых, найти языковые средства адекватного выражения этих культурных единиц” (стр. 25). Этими словами заканчивается в целом довольно подробное рассмотрение и обоснование исходных теоретических положений исследовательской части монографии.

Во втором параграфе I главы Г.Г. Слышкин переходит к рассмотрению главного предмета своего исследования – текстовой концептосферы, включающей в себя “фактические сведения, ассоциации, образные представления, ценностные установки, связанные в сознании носителей языка с известными ему текстами” (стр. 27). Под прецедентным текстом автором понимается любая характеризующаяся цельностью и связанностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса. Частые отсылки к тексту в процессе построения новых текстов в виде реминисценций есть показатель ценностного отношения к данному тексту и, следовательно, его прецедентности. Можно говорить, считает автор, и о текстах прецедентных для узкого круга людей (таковы, например, многие библеизмы, которые в на-

стоящее время не используются в печати) и на короткий срок. Прецедентный текст всегда формирует концепт, который, по мнению автора, является социо-психическим образованием, характеризующимся многомерностью и ценностной значимостью. Под влиянием изменений в жизненной идеологии нации непрерывно меняется и корпус национальных прецедентных текстов. Так, бывшие прецедентные высказывания (корень зла, петль Лазаря, козел отпущения), утратив связь с Библией, превратились в обычные фразеологизмы.

Реминисценции, основанные на апелляции к концептам прецедентных текстов, должны, по мнению Г.Г. Слышкина, отвечать следующим условиям: 1) осознанность адресантом факта совершаемой им реминисценции на определенный текст; 2) знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту; 3) наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста. Эти положения иллюстрируются автором монографии примерами преимущественно из художественной литературы; иллюстративный материал подтверждает и мысль автора, что различные реминисценции, в виде которых прецедентные тексты функционируют в дискурсе, являются ассоциативными формулами, оживляющими в сознании носителя языка концепты прецедентных текстов. Он выделяет 5 видов реминисценций, служащих средством апелляции к концептам прецедентных текстов (упоминание, прямая цитация, квазичитация, аллюзия, продолжение) и считает, что текстовая концептосфера занимает большое место в тезаурусе языковой личности, а реминисценции, основанные на ее единицах, регулярно используются в процессе общения. За каждым прецедентным текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. Эти ассоциации автор называет аспектами прецедентности данного текста и выделяет в структуре концепта внутритекстовые аспекты прецедентности (например, название, отдельные отрывки, имена персонажей) и внетекстовые аспекты (например, время и ситуация создания, отношение к тексту со стороны социальных институтов). Преце-

дентным может стать любой текст «при наличии благоприятствующих тому особенностей жизненной идеологии языкового коллектива», – так завершает Г.Г. Слышкин в I главе изложение теоретических результатов своего исследования, они получили развитие в последующих главах монографии и прежде всего во II главе («Произведения смеховых жанров как поле исследования текстовых концептов»).

Приступая к изложению материала данной главы, автор исходит из признания того, что в качестве основного метода выявления национальных прецедентных текстов из общей текстовой массы может использоваться анализ произведений смеховых жанров, рассчитанных на массовое потребление (анекдоты, пародии, юмористические теле- и радиопередачи и т.п.): «Иными словами, мы утверждаем, что прецедентные тексты – это пародируемые и высмеиваемые тексты» (с. 53). В доказательство справедливости этого утверждения Г.Г. Слышкин приводит результаты анализа большого языкового материала (пять компьютерных сборников фольклорных смеховых произведений советского и постсоветского периодов), который показал, что основным объектом реминисценций (38%) в смеховых текстах служат плакатные тексты и цитаты лозунгового характера (из классиков марксизма-ленинизма), и лишь в 25% – реминисценции на произведения русской классической литературы. Среди смеховых произведений основное место занимает пародия. В пародийных текстах автор выделяет 3 уровня создания эффекта неожиданного контраста между повседневным представлением о прецедентном тексте и его карнавальным отражением: 1) стилистический контраст, 2) содержательный контраст, 3) жанровый контраст – и подтверждает это при анализе произведений различных пародистов последнего десятилетия.

Не отрицая необходимости использовать произведения смеховых жанров для выявления национальных прецедентных текстов из общей текстовой массы, мы, однако, сомневаемся, что это основной метод. С не меньшим успехом для

этой цели могут привлекаться (и привлекаются) материалы газет (всех без исключения газетных жанров), а также произведения современной художественной литературы. К тому же не следует забывать о социальном, возрастном и ином расслоении россиян, о том, что смеховые жанры и юмористические теле- и радиопередачи, такие как “Эх, Семеновна!”, “Сам себе режиссер”, хотя и рассчитаны на массовое потребление, однако далеко не всеми радиослушателями и телезрителями охотно “потребляются”.

III глава монографии (“Генетические и функциональные характеристики концептов прецедентных текстов”) представляет собой дальнейшую разработку вопроса о концептах прецедентных текстов как многомерных образованиях. Здесь решаются две задачи: 1) изучение генезиса концепта, для чего автору было необходимо определить, какие культурные факторы оказывали наибольшее влияние на формирование единиц исследуемой концептосферы в сознании носителей языка и какие могут быть выдвинуты основания для типологии концептов, 2) исследование концепта как типологического явления, возникшего для заполнения определенных культурных лакун, для реализации конкретных потребностей данного общества, т.е. определение функций концептов.

В § 1 данной главы дается типология концептов прецедентных текстов, т.е. возможные их классификации: по носителям прецедентности, по тексту-источнику, по инициатору усвоения (текстовое насилие и методы его осуществления), по степени опосредованности восприятия. Подробно излагается материал, касающийся трех последних классификаций, т.к. классификация по носителям прецедентности приводилась автором в I главе. Как и в предыдущих главах, теоретические сведения здесь подтверждаются богатым, хорошо подобранным материалом, извлеченным автором монографии из дискурсов последнего десятилетия. И если классификация концептов прецедентных текстов по тексту-источнику является наиболее традиционной, то классификация этих текстов по инициатору усвоения в обществе потребления – сравнительно

новая в нашем языкознании. Исходя из способа усвоения концепты различаются: одни из них являются концептами добровольно, а другие – принудительно усвоенных прецедентных текстов. Текстовое насилие, подчеркивает автор монографии, – одна из имманентных черт современной культуры. Субъектами, осуществляющими текстовое насилие, т.е. усвоение текста при отсутствии у адресата самостоятельно сформировавшейся интенции ознакомления с текстом, могут быть как индивиды, так и общественные институты. Институциональное текстовое насилие осуществляется двумя основными способами: 1) директивным методом (наиболее распространенной формой осуществления этого способа является школьная программа, 2) методом паразитической дополнительности, который заключается в присоединении навязываемого текста (например, телерекламы) к каким-либо значимым объектам человеческой деятельности. Автор предполагает, что, возможно, по мере дальнейшего распространения текстов-паразитов в современном обществе концепт “навязчивый рекламный или плакатный текст” оттеснит на задний план культивируемые жанром фантастики такие концепты, как “сумасшедший ученый” и “машина, убивающая своего создателя”.

В каждом конкретном социуме, считает автор монографии, должно наблюдаться некоторое различие между текстами, избираемыми властными институтами для насильственного внедрения, и прецедентными текстами, добровольно усваиваемыми членами общества. Сопоставительное изучение концептов добровольно и принудительно усвоенных прецедентных текстов дает возможность провести четкую грань между двумя действующими в любом обществе идеалами (официально культивируемыми – и действующими лишь на уровне обыденного сознания) и определить, насколько они совпадают и какова степень их противоречия друг другу.

Представляет научный интерес и имеет общественную значимость также и классификация концептов прецедентных текстов по степени опосредованности восприятия. Автор монографии выделяет

три основных группы концептов прецедентных текстов, строящих свой текстовый концепт на основании: 1) непосредственного восприятия исходного текста, 2) заимствования уже существующего у какой-либо другой группы (реже – индивида) текстового концепта, репродуцируемого молвой, 3) восприятия реинтерпретации исходного текста в рамках иного жанра – и на большом числе примеров раскрывает их особенности.

В ряде случаев концепты прецедентных текстов формируются в сознании культурной группы под воздействием всех трех рассмотренных факторов; соотношение между ними демонстрирует степень самостоятельности мышления членов группы, независимость их текстового вкуса.

Теоретическую и практическую значимость имеет 2-ой параграф III главы, посвященный функциям концептов прецедентных текстов в дискурсе. Г.Г. Слышкин выделяет 4 функции: 1) номинативную функцию, мотивируемую стремлением языковой личности к оригинальности, нестандартности выражения стандартных реалий; 2) персуазивную, используемую “с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения”; 3) людическую, использующуюся как средство перевода речи в шутивную тональность, а также для создания текстовых загадок; 4) парольную (в ситуации межгруппового конфликта прецедентный текст используется в качестве индикатора принадлежности к “своим”).

В Заключении автор подводит итоги своего исследования и обращает внимание на те теоретические положения монографии, которые, по его мнению, можно было бы разрабатывать и дальше. Так, среди внетекстовых факторов, влияющих на генезис концепта прецедентного текста, им выделяется два в качестве наиболее общих и значимых: “инициатора усвоения текста” и “степень опосредованности усвоения текста”. Проблема инициатора усвоения текста, – считает Г.Г. Слышкин, – позволяет поставить вопрос о необходимости исследования методов текстового насилия и их влияния на формирование

национального корпуса прецедентных текстов.

В монографии изложены результаты исследования текстовых реминисценций на материале отечественного городского смехового фольклора. Перспективы исследования в этом направлении автор видит в проведении сравнительного анализа текстовых реминисценций на материале смеховых произведений в этнокультурном и социокультурном аспектах, а также в диахроническом плане.

Концептологическое изучение, как справедливо отмечает Г.Г. Слышкин, вносит определенный вклад в решение такой актуальной задачи лингвистики, как построение социолингвистической модели дискурса. Лингвокультурный анализ концептов прецедентных текстов может также способствовать исследованию проблемы ценностного отношения к чужому слову.

Монография Г.Г. Слышкина вносит весомый вклад в разработку вопросов лингвокультурологии, и изложенные в ней теоретические результаты исследования и языковой материал, безусловно, найдут применение и в практике вузовского преподавания, и в конкретных исследованиях. В частности, они уже используются при написании дипломных и диссертационных работ на филологическом факультете Воронежского государственного университета.

Позволим себе лишь одно замечание. В монографии, на наш взгляд, недостаточно полно рассмотрен и оценен вклад лингвострановедения в разработку проблемы “Язык и культура”.

Лингвострановедение уже с начала 70-х гг. разрабатывало способы объективации русской духовной культуры с учетом задач преподавания русского языка иностранным учащимся. До того, как Ю.Н. Караулов ввел в научный обиход понятие “прецедентный текст”, в 3-ьем издании книги Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова “Язык и культура” (1983) было подробно рассмотрено понятие “облигаторные произведения искусства”, куда включался прежде всего золотой фонд русской литературы, “известной всем русским” и

имеющей высокую познавательную, в том числе страноведческую, ценность, что делало ее предпочтительной при выборе языкового материала в преподавании русского языка иностранцам.

В недрах лингвострановедения сформировались и понятия, позднее получившие названия “логоэпистема”, “лингвокультурема”, “культурный концепт”. На это обстоятельство обратили внимание и сами родоначальники лингвострановедческого аспекта преподавания русского языка иностранным учащимся. В предисловии к книге “В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик” (М., 1999) Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров пишут: “Первое издание книги “Язык и культура” [Верещагин, Костомаров 1973] в дальнейшем перерабатывалось, 4-ое издание [Верещагин, Костомаров 1990а] содержит идеи, суть которых, по нашему мнению, не устарела; но форма их изложения нуждается в модификации”. В настоящее время готовится 5-ое издание. (...) Лингвострановедческая тематика по различным направлениям и иногда под иным названием (например, лингвокультурология) активно разрабатывалась многими авторами” (с. 3).

Сделанное замечание не умаляет научных достоинств рецензируемой монографии, которая к тому же отличается композиционной стройностью, богатым, хорошо подобранным языковым иллюстративным материалом, хорошо издана.

Пожелаем молодому ученому новых творческих успехов в разработке вопросов лингвокультурологии, новых интересных исследований.